

Примечания

- ¹ *Тальберг Д.Г.* Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. Т. 3. СПб., 1879. С. 222..
- ² Там же. С. 225.
- ³ *Высоков М.С.* История сахалинской области: Уч. пособие по краеведению. Южно-Сахалинск, 1995 С. 89.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1099 Филиппов Тертый Иванович, государственный контролер, общественный и литературный деятель. Оп. 1. Опись дел фонда Т.И. Филиппова. 1779–1913 гг. Д. 628. Доклад начальника Главного тюремного управления А. Саломона министру юстиции об условиях отбывания ссылки и каторги в Сибири и на острове Сахалине. Копия. Печатный. С. 224.
- ⁵ *Миролюбов И.П.* «Восемь лет на Сахалине». СПб., 1901. С. 185.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Панов А.А.* Сахалин как каторга. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. С. 146.
- ⁸ *Миралюбов. И.П.* Указ. соч. С. 111.
- ⁹ *Пилсудский Б.О.* Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалин в 1902–1903 гг. Б. Пилсудского // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея №3 Южно-Сахалинск, 1996. С. 399.
- ¹⁰ *Тальберг Д.Г.* Указ. соч. С. 229.
- ¹¹ Там же. С. 4.
- ¹² ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.17

«Эх, горе, ныне на тихом Дону три земли сошлись»: авторы второй половины XIX в. о «русских» на территории Войска Донского

Артём Юрьевич Перетьяко, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Ключевые слова: межэтнические отношения, русские, казаки, Область Войска Донского, И.С. Ульянов, А.А. Чигринцев

**“Oh, woe, the three lands converge
on the quiet Don now”:
The Authors of the Second Half
of the Nineteenth Century on the “Russians”
in the Territory of the Don Host**

Artyom Ju. Peretyatko, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Keywords: interethnic relations, Russians, Cossacks, Don Host's Oblast, I.S. Ulyanov, A.A. Chygryntsev

Цитата, вынесенная в название нашего доклада, приводилась еще в 1885 г. М.Н. Харузиным, автором одной из первых книг по этнографии донского казачества. Эти слова сказал старый казак станицы Аннинской, наблюдавший за спором между молодыми казаками, гордо называвшими себя «царскими слугами», и переселенцами из России, в чей адрес те же казаки кричали «русь проклятая»¹. Сам по себе факт острого конфликта между донскими казаками и так называемыми иногородними, людьми, переселявшимися на Дон с 1860 гг., хорошо известен историкам, однако его истинная подоплека, на наш взгляд, остается недостаточно изученной. Прежде всего, это связано с тем, что до настоящего времени недостаточно изучены свидетельства современников о начальных этапах конфликта. В историографии наиболее распространено мнение о том, будто бы противостояние донских казаков и донских крестьян было преимущественно противостоянием экономическим, обусловленным борьбой их хозяйственных интересов². Между тем тексты 1860–1890 гг. позволяют охарактеризовать противостояние скорее как межэтническое, хотя и приобретенное со временем экономическую подоплеку.

К середине XIX в. на территории Земли Войска Донского де-факто жили десятки тысяч крестьян, не считая

приходящих летом на заработки. Экономически казаки нуждались в крестьянах, и в казачьей среде появились сторонники официального «открытия» Дона для переселенцев, предоставления всем желающим права водворяться на казачьих землях. Но в 1861 г. с их критикой выступил один из наиболее влиятельных донских общественных деятелей, генерал-майор И.С. Ульянов (1803–1870-е; дата смерти точно не известна). В его фонде в Государственном архиве Ростовской области мы обнаружили обширную рукопись «Нужно ли допустить в станицах Войска Донского приобретение домов иногородцами?»³. Судя по всему, это самый ранний авторский аналитический текст, посвященный взаимоотношениям казаков и русских на Дону, в котором казаки и русские четко противопоставляются друг другу. Характерно, что экономические доводы своих оппонентов И.С. Ульянов почти не критиковал. Вместо этого он выступал против идеи «опустить» казаков, «как каплю в море, в общую безразличную массу Руси», и задавался вопросом: неужели «сама Русь, считая до 40 миллионов однородного населения, нуждается в увеличении этого гигантского тела каким-нибудь полумиллионом казаков?»⁴.

И.С. Ульянов был ключевой фигурой для первого поколения донских «казакоманов» — как до 1917 г. сами современники называли сторонников сохранения старых порядков и ограничения прав иногородних на Дону⁵. С учетом его высказываний, вполне понятно, почему первый период конфликта казаков и иногородних развернулся еще с начала 1860-х гг., за несколько лет до того, как иногородние получили законодательно закрепленное право переселяться в казачьи станицы. Среди простых казаков ходили слухи о грядущем «обращении казаков в “мужиков”»⁶. Местное начальство в Новочеркасске разделяло подобные опасения, и, действуя на опережение, даже отправило в Санкт-Петербург свой проект грядущих преобразований, предполагавший

укрепление замкнутости Войска Донского для всех не-казаков, после чего министр внутренних дел П. А. Валуев заявил о желании «обособления страны» со стороны донской элиты⁷. Не удивительно, что в итоге главный противник донских традиционалистов, как раз предложивший для их обозначения термин «казакоманы», генерал-лейтенант И.И. Краснов (1802–1871), обвинил их в попытке создать «искусственную народность» из донских казаков⁸.

Когда в 1868 г. иногородние получили право покупать и арендовать недвижимость в станицах, это только обострило негативное отношение большинства представителей казачества к пришельцам, теперь четко ассоциируемым с «русскими» и «Россией». М.Н. Харузин довольно подробно писал о нелюбви казаков к «русии»⁹. Под эту нелюбовь попадали не только крестьяне-переселенцы, но и официальные лица. В. Д. Новицкий, чиновник неказачьего происхождения, в 1870-е гг. состоявший при донском атамане М.И. Черткове, писал на этот счет, что казаки «русских [...] не любили и жизнь их в казачьей среде была невыразимо тяжела»¹⁰. Даже некоторые новые правительственные реформы рассматривались казаками через призму отношений с русскими, и страх «опуститься» в русское «море» никуда не уходил. Дело дошло до того, что, когда после введения земств на Дону в некоторых станицах начались волнения, казаки реагировали на угрозы чиновников усмирить их силой криками: «Мы тебе не мужики!»¹¹. Со временем ощущение своей отличности от «русских-мужиков» в казачьей среде не только не уменьшалось, но и возрастало, грозя вылиться уже в полноценный межэтнический конфликт.

Об этом написано в другом архивном документе, в письме новочеркасского прокурора А. А. Чигринцева генералу Н. А. Маслаковцу от 3 ноября 1899 г. Это письмо специально посвящено критике ряда казачьих общественных деятелей, рассуждавших так, будто они «сыны не России, общей

нашей матери, а только Дона»¹². Особенно подробно иногородний чиновник останавливался на позиции будущего выборного представителя Области Войска Донского в Государственном совете А.А. Донецкого: «Пусть, мол, в России живут как хотят, а у нас, на Дону, по словам Донецкого, государство должно прийти на помощь к казакам, улучшить их экономическое благосостояние в настоящем и упрочить безбедное существование в будущем»¹³. Любопытно, что в итоге А. А. Чигринцев сравнивал отношение казаков к русским с отношением самих русских к иностранцам-промышленникам, «захватывающим и эксплуатирующим наши богатые недра»¹⁴. Таким образом, к началу XX в. противостояние казаков и «русских», изначально скорее межэтническое, распространилось и на экономику. Инициатива исходила не столько от иногородних, сколько от казаков, считавших, будто бы пришельцы из России захватывают их законные земли.

Итак, в 1860–1890 гг. на Дону действительно сошлись три «земли», точнее, три этнические группы, не вполне отчетливо понимавшие свою идентичность, но четко отделявшие себя от чужаков. Украинцы (малороссы), русские (великороссы) и казаки издавна совместно жили на территории Земли Войска Донского, но с середины XIX в. между последними двумя группами начался конфликт, со временем только обострявшийся и распространявшийся на новые области. В историографии этот конфликт обычно рассматривают как экономический, сводя его к противостоянию имевших разные хозяйственные интересы казаков и крестьян, но сами современники считали его скорее межэтническим. И его наличие объясняет, почему к началу XX в. на Дону «казакоманское» движение переросло в настоящий национализм, сторонники которого уже открыто позиционировали казаков как отдельную ветвь большого русского народа, наряду с великороссами, малороссами и белорусами.

Примечания

- ¹ Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. XIX.
- ² Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 16–19.
- ³ Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 223–256.
- ⁴ Там же. Л. 240.
- ⁵ Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 481, Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13. N 1. P. 19.
- ⁶ Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 169.
- ⁷ Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 18.
- ⁸ Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol. 14. N 2. P. 100; Краснов И.И. О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 355.
- ⁹ Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах... С. XXVIII.
- ¹⁰ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 58.
- ¹¹ Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. С. 380.
- ¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 3.
- ¹³ Там же. Л. 4об.
- ¹⁴ Там же. Л. 6.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.18

История славян на Сунже

Сергей Александрович Орешин, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, Терская область, гребенские казаки, Сунженская линия, Сунженский округ, Терское казачье войско, славяне, миграция.